

Основатель города Зея Алексей Иванович Нерпин

Золотая История Павла Афанасьева

В России есть такая территория — Амурская область. А в Амурской области — старейший, по дальневосточным понятиям о возрасте, городок — Зея. Его жители безошибочно скажут, что городу больше ста лет. А вот назвать имя того, кому город обязан своим появлением, мало кто сможет...

История рода Нерпиных начинается с времён Ивана Грозного. Где-то на рубеже XVI и XVII веков на службу в Тарскую крепость был прислан стрелец по фамилии Нерпин. Его потомки по мужской линии исправно несли военную службу до тех пор, пока не был в 1724 году казнён Борис Нерпин. Он принял смерть в числе прочих служивых людей, отказавшихся присягнуть за будущего наследника престола. И сыновья казнённого Бориса Нерпина, оставив государеву службу, занялись торговлей.

Купеческий сын Алексей Нерпин, известный в Приамурье, как основатель города Зеи, приходился Борису пра-пра-правнуком. Воспользуясь для краткости классическим генеалогическим приёмом, представим по известному образцу потомственную цепочку так: Борис родил Якова, Яков родил Степана, Степан родил Алексея, Алексей родил Ивана, а Иван родил снова Алексея от жены своей Марьи Захаровны, Крыловой в девичестве.

Отец Алексея Нерпина, Иван Алексеевич родился в Прииртышье, в городе Таре 6-го января 1814 г. После окончания уездного училища в 1828 году уехал в Кяхту, город на границе с Монголией. Четырнадцатилетним поступил на службу к купцу Кичину и служил ему двенадцать лет. Затем управлял в Кяхте торговыми делами А. А. Кузнецова, попутно принимая комиссионные товары у иногородних купцов. А с 1843 года начал своё чайное торговое дело, продолжая заниматься комиссионерством.

Уже в 1847 году кяхтинский купец Иван Алексеевич Нерпин стал фабрикантом, купив в Кяхте кожевенный завод. Не остановившись на этом, в том же году вступил в компанию с Ремянниковым, и компаньоны в Усть-Кяхте построили ещё один завод, сахарорафинадный. Рафинад вырабатывался из тростникового сахарного песка, импортируемого из Китая. Потом был ещё один сахарный завод. Но не заводы были целью купца Нерпина. В 1859 году он вместе с Прокопием Пахолковым отправился в Шанхай, где компаньоны стали первыми русскими, которые установили с Шанхаем торговые отношения. Однако большая часть закупленного там товара погибла, когда перевозивший его товар затонул у берегов Японии.

Но спасшийся вместе с другими участниками плавания Иван Алексеевич Нерпин оказался, тем не менее, в выигрыше: ему было предложено стать коммерческим агентом в Китае. И в 1861 году он первым из русских купцов отправился из Кяхты через Монголию во внутренний Китай с большим караваном товаров.

Купец Иван Нерпин преуспел в выполнении своей исторической миссии и был награждён за свою деятельность в Китае потомственным

почётным гражданством. Однако в 1864 году был по состоянию здоровья вынужден выехать из Китая. И с этого времени и до конца своих дней он занимался исключительно добычей золота на своих приисках в системе реки Чикой в Забайкалье. Умер в 1875 году, оставив после себя двух дочерей, Марию и Александру, и сына Алексея.

Алексей Иванович Нерпин родился в Кяхте в 1849 году. После окончания Московской реальной гимназии в 1866 году вернулся в Кяхту, где на приисках своего отца и их родственника подполковника Дионисия Буйвида осваивал практику золотопромышленного дела. А в 1872 году перешёл на службу в Верхне-Амурскую золотопромышленную компанию (ВАК), где ему было поручено руководить золотопоисковыми отрядами.

Алексей Нерпин переехал на Васильевский прииск, расположенный у истоков р. Джалинды, где находилась главное управление компании. И с 1878 года стал, заменив И. В. Баснина, её главным управляющим.

Приисковый стан Васильевского прииска к тому времени представлял собой уже солидное по местным меркам поселение, в котором даже имелась своя, недавно построенная компанией, церковь. И в метрических книгах этой церкви зафиксировались некоторые важные события жизни Алексея Ивановича Нерпина. Вот, в 1881 году у него, потомственного почётного гражданина, и его жены Сусанны Ивановны родился и был крещён сын Иван. [4] А в следующем году – дочь по имени Любовь. А родившаяся в январе 1884 года Нина не дожидая до конца августа... Но в следующем году Нерпины крестили в той же Николаевской церкви Васильевского прииска дочь Марию, которая, впрочем, тоже умерла, заболев корью. А в 1886 году у Алексея и Сусанны Нерпиных родился сын Владимир.

Пока мне не удалось найти метрическую запись о старшей дочери Нерпиных, Анны, хотя известно, что родилась она 2 июля 1880 года, а выйдя замуж, а умерла в Москве. И уже в Санкт-Петербурге в 1891 году родился младший сын Пётр Алексеевич.

Но метрические книги зафиксировали и ещё парочку интересных фактов: приемницей во всех этих случаях каждый раз была Мария Захаровна Нерпина, которая, очевидно, после смерти мужа переехала на Васильевский прииск к сыну. А ещё – в крещении младших детей Алексея Нерпина, Марии и Владимира, приемником оказался и его троюродный брат, кяхтинский мещанин Степан (Стефан) Алексеевич. Какое-то время он, видимо, пожил в Благовещенске – его имя значится в списке выборщиков гласных в городскую думу. А позднее в Памятной книжке Амурской области на 1902 г. С. А. Нерпин значится как житель Зея-Пристани.

А до женитьбы Алексея Ивановича и до рождения его первых детей его жизнь была посвящена поискам золота в тайге в пользу компании. Впрочем, некоторые площади он, став главным управляющим и продолжая отправлять поисковые партии, заявлял и на своё имя, на имя Сусанны Ивановны и Марии Захаровны...

Результатом первых шести лет поисков (1872–1878) стало открытие двух новых приисковых районов. Одного в системе реки Амгунь, по её

притокам Керби, Семи и Нилан, а другого — по рекам Иликан, Кончамуни-Улягир (нынешняя Гальчима), Гиллой, Дамбуки и другим притокам р. Зей.

Разработкой амгуньских приисков Верхне-Амурская компания по ряду причин сама так и не занялась, отдав их в аренду нерчинскому купцу М. Д. Бутину, а после его банкротства — компании «Ельцов и Левашов». А зейская группа на долгое время стала главным источником её прибыли.

Первые заявки на открытие приисков Верхне-Амурской компании в новом районе были поданы уже на следующий год после поступления А. И. Нерпина на службу, в 1873 году. На имя компаньонов Нерпин подал заявки на право разведки площадей в долинах небольших притоков р. Унахи — по Бол. Ульдегиту и Ванге. Но от подачи заявки до получения отвода уходило немало времени: с одной стороны, велики расстояния, которые нужно было преодолеть пересылаемым бумагам, с другой — неповоротливость бюрократической машины. На заявляемые участки нужно было привезти горного отводчика, который был обязан лично увидеть и обмерить участок, а заявки поступали с самых разных, удалённых друг от друга и резиденции самого отводчика территорий, и физически успеть повсюду при тогдашнем транспорте при отсутствии дорог было весьма непросто.

Кроме того, нужно было время и на оборудование новых приисков. Так или иначе, своё первое золото в новом районе на Алексеевском прииске Верхне-Амурская компания добыла лишь в 1877 году. А до этого времени (да и после тоже) поисковые отряды Нерпина продолжали бороздить тайгу, и в журнале Албазинского станичного правления регистрировались всё новые и новые заявки. В итоге были открыты десятки приисков и, в том числе, один из наиболее богатых — Горациевский прииск на р. Джалте, притоке Иликана. На этом прииске, заявленном на имя барона Горация Евзелевича Гинцбурга, в 1886 году добыли почти полторы тонны золота, а всего за период с 1883-го до 1899-го — свыше 11 тонн.

Для добычи золота требовалось много всего, начиная от промывочных приборов и заканчивая фуражным зерном. Необходимые грузы доставлялись по рекам, а затем непосредственно до приисков вьючным, как правило, транспортом. Отрабатывая схемы доставки, Верхне-Амурская компания устраивала на берегах судоходных рек свои склады. В 1879 году А. И. Нерпин построил в наиболее удобном месте, там, где река выходит из горной системы на равнину, Зейский склад. Сюда беспрепятственно добирались от Благовещенска суда, везущие грузы и пассажиров, а дальше на реке уже начинались пороги, проходимые только в большую воду. Поэтому грузы с Зейского склада на прииски доставлялись либо зимой на санях, либо сначала вьючной тропой, а позднее колёсной дорогой с паромной переправой через Гиллой.

Через некоторое время Зейский склад «оброс» жилыми домами, в которых селились не только служащие компании, но и извозчики, кабатчики, купцы, ремесленники, мелкие и средние золотопромышленники. Появились православная церковь, а затем и татарская мечеть. Впоследствии селению с названием Зея-Пристань был присвоен статус города.

Известно, что до открытия золота в приисковом районе, получившем впоследствии название Дамбукинского или Центрального, вся местность до устья Селемджи была редко заселена лишь тунгусами — эвенками и манеграми. Открытие золота позволило открыть пароходное сообщение, провести дороги и устроить телеграф, связавший Благовещенск и удалённые прииски с резиденцией главноуправляющего, находившейся на Владимирском прииске, и Зейским складом.

Конечно, открытие здесь золота неправильно было бы приписывать одному только Нерпину. Практически одновременно здесь вели поиски отряды В. Н. Сабашникова и А. Л. Шанявского. Открытые ими прииски составили материальную базу целого ряда будущих компаний, так же строивших свои склады и дороги. Но всё же вклад Нерпина в золотодобычу и развитие региона можно оценить хотя бы по величине попутного вознаграждения, которое выплачивала ему компания за добываемое золото на открытых им россыпях. Причём в сравнении с первооткрывателем амурского золота Нерпин выигрывал. Так, по итогам 1876 года известный первооткрыватель Николай Аносов получил 17 тыс. 780 рублей попутных, а Нерпин — 50 тыс. 340 руб., т. е. почти в три раза больше!

Кроме попутных, Алексей Иванович имел в то время и другие источники дохода. Во-первых, большое жалованье за высокую должность главноуправляющего, во-вторых, приобретая акции компании, он стал её совладельцем и получал дивиденды с прибыли.

В 1891 году его избрали товарищем-распорядителем Верхне-Амурской компании, и он со всей семьёй, включая Марию Захаровну и Степана Алексеевича, перебрался в столицу, в Санкт-Петербург, где была главная контора ВАК.

Однако к началу 20-го века наиболее богатые из открытых им приисков уже были выработаны и прибыль резко уменьшилась. К тому же неудачу потерпел первый в России опыт применения для добычи золота черпаковой драги, купленной в Голландии и смонтированной на Уруше. Вместо получения прибыли, компании пришлось понести немалые непредвиденные расходы после того, как подготовленную к добычному сезону драгу весенним паводком унесло вниз по реке, где она затонула вдали от селений и дорог, ремонтной мастерской. В итоге размер дивидендов на паи пришлось уменьшить.

Компаньоны, привыкшие исправно получать деньги за золото всё настойчивее стали выражать своё недовольство. Особенно странным иссякание источника дохода казалось главным акционерам, дочерям основателя компании Дмитрия Бенардаки, баронессе В. Д. Талейран-Перигор и графине Е. Д. Перхенштейн, которые уже многие годы жили за границей.

Нерпин терпеливо объяснял, что для существования предприятий требуются средства, что затраты на добычу при всё снижающемся содержании золота в песках растут, что вести добычу приходится на приисках, всё более удалённых, но его аргументы не устраивали совладельцев компании. Один из новых пайщиков, Дмитрий Краевский, стал

настойчиво предлагать компаньонам прекратить добычу почти на всех приисках, чтобы не нести затраты, а сами прииски сдать в аренду и получать тем самым доходы почти не имея расходов.

Устав, видимо, отбиваться от сотоварищей, а может, вследствие их вотума недоверия, Алексей Иванович в 1902 г. покинул пост товарища-распорядителя ВАК. Но без дела не остался. Ещё до 1896 года он уже занимал такой же пост в Амгунской золотопромышленной компании, в которой имел два пая. Туда же, в Амгунскую компанию, он перетянул и главноуправляющего ВАК М. А. Субботина. Но на тривиальной добыче золота с переводом его в деньги бизнесмен Алексей Нерпин не зацикливался. Деньги можно было делать иначе. Он возглавил и Российское золотопромышленное общество, а там...

Процитирую выдержку из мемуаров барона Н. Е. Врангеля, который стал председателем этого общества после Нерпина.

«На акции Российского золотопромышленного общества сейчас же после его возникновения набросилась публика, и на бирже на них шла сумасшедшая игра. Со ста рублей за акцию (не помню, может быть, 125 рублей) цена поднялась до 900 рублей. Потом они столь же быстро стали понижаться. Появились слухи, что дела Общества нехороши и ему грозит крах. Последовала паника. Международный банк и лично Ротштейн в Обществе были сильно заинтересованы — и как держатели акций, и особенно как кредитная организация. Ротштейн предложил мне стать во главе этого Общества...

...В конце концов пришлось согласиться. С этим проклятым делом я перепортил себе немало крови. Российскому золотопромышленному обществу принадлежали почти все пай Амгунской золотопромышленной компании и несколько тысяч акций Ленского общества, так что я стал и в первом председателем, и во втором — членом правления. И тут открылось невозможное. Мой предшественник, как распорядитель Амгунской компании, продал почти за семь миллионов не стоящие пай этого товарищества и, как председатель Российского, их у себя же купил. Фокус этот, стоивший Российскому обществу почти шесть лишних миллионов, был проделан, конечно, с согласия членов правления этого Общества»...

И на самом деле, по данным на 1896 год Российскому золотопромышленному обществу принадлежало 78 из ста паёв Амгунской компании.

Подозреваю, что и снижение дивидендов пайщикам Верхне-Амурской компании при одновременном обесценивании паёв могло быть расценено компаньонами, как попытка принудить их к продаже своего участия в компании, что и стало причиной для смены товарища-распорядителя.

К этому времени Алексей Нерпин уже похоронил на Казанском кладбище Царского Села и своего дядю (ум. в 1894) и, ещё раньше, матушку Марию Захаровну (1889).

Чем дальше занимался Нерпин, когда и где умерли он сам, Алексей Иванович и его жена Сусанна Ивановна, где они похоронены, мне установить

не удалось. Но, вероятно, оба они дожили до революции и установления советской власти.

Последнее, что известно о них обоих: в 1913 году они жили в Санкт-Петербурге, хотя, по-видимому, не вместе - в адресной книге указаны разные адреса: Алексей Иванович проживал по ул. Матвеевской, 3, а Сусанна Ивановна с сыном Владимиром – по Б. Пушкарской, 40. А в 1917 году Алексей Иванович – уже в Москве, в доме № 30 в Козихинском переулке, а коллежский секретарь Владимир Алексеевич – по московскому адресу: пер. Рождественский, 19.

О потомках Алексея Ивановича Нерпина известно совсем немного. Старшая дочь Анна Алексеевна, в замужестве Нерпина-Красных, окончила Санкт-Петербургский женский медицинский институт, училась у академика В. М. Бехтерева. Заслуженный врач РСФСР, кавалер ордена Ленина, одна из первых женщин-радиологов в нашей стране, жила и работала, до самой смерти, в Ленинграде.

Младший сын Петр в 1914 году, когда началась Первая мировая война, не окончив обучения в Санкт-Петербургском техническом университете, ушёл вольнонаёмным на фронт в составе 2-го Ростовского гренадёрского полка. За бои летом 1914 был награжден солдатским Георгиевским крестом и произведен в прапорщики. В декабре 1914 г. пропал без вести. Как оказалось, попал в немецкий плен. После войны жил в г. Ульяновск, работал бухгалтером военторга. Арестовывался в 1830 г., повторно – 4 декабря 1937 г. По постановлению тройки при УНКВД по Куйбышевской области от 15.12.37 был приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде 18 января 1838 г.

Там же, в Ленинграде жил и работал один из внуков Алексея Ивановича, видный советский ученый в области почвенной гидромеханики, Сергей Владимирович Нерпин, директор Агрофизического института, член-корреспондент ВАСХНИИЛ, доктор технических наук.

Другой внук Алексея Ивановича, Николай Владимирович Нерпин, стал крупным советским военным инженером и вышел в отставку генерал-майором. А дочь Николая Владимировича Галина Николаевна – писатель, живёт в Москве.

В Москве живёт и Дмитрий Сергеевич Нерпин, не первый год занимающийся историей своего рода. Может, когда-то ему удастся разгадать загадку исчезновения своего прадеда? А Галина Николаевна ещё напишет о нём книгу?

...В Зее, городе, основанном А. И. Нерпиным, в качестве памятника об основателе остались лишь название переулка, где, видимо, жили Нерпины — Нерпинский, да имя на доске почётных граждан возле здания городской администрации...